

ГЛАВА 15

Отдел в торговом центре мы закрыли в пятницу 29 октября. Он все так же торговал на уровне рентабельности, но продавщицы сообщили нам о своем уходе, и мы решили не искать новых. В субботу вывезли на склад товар, в воскресенье – торговое оборудование. Злые и нервные, натаскались мы вволю. Вечер воскресенья я просидел за компьютером, возвращая по учету товар на склад. Жутко нудное занятие. «Антипригар», - подошел я к очередной строке и тяжело вздохнул. Странное дело, этот товар, всученные мне Сергеем в «Саше», никак не выходил из головы. Мое интровертное сознание придирчиво искало и не находило логического объяснения такому поступку. Никто и никогда из партнеров за все время бартерных операций так не делал. Поступок ставил меня в тупик. «Зачем он откровенно втюхал мне всяк!? Я же в любой момент могу его вернуть.» Товар и вправду почти не продавался – из 48 штук на остатках нашего склада числилось 40. «Надо будет вернуть этот «Антипригар».

В складе стало тесно. Торговое оборудование полностью заняло левый ближний ко входу угол. Отец недовольно косился на шкафы и витрины, но молчал. Все, что он думал, я легко читал в его глазах. С ноября мы оказались в исходной точке – оптовая торговля без развития и два неказистых, но прибыльных киоска на рынке. Я едва перевел дух, как в начале месяца сменщица Надежды Петровны заявила мне во время снятия выручки, что дорабатывает месяц и уходит.

- Куда уходит? – узнав новость лежа на диване, удивленно уставился на меня отец.

- Понятия не имею, - пожал я плечами, кладя деньги на стол. – Да какая разница! Что делать будем? Искать замену или Надежда Петровна так поработает?

- Искать надо, - отец сел на диване, стал массировать лицо руками и моргать часто, разгоняя дрему. – Как же это... Она одна не сможет. Без выходных работать что ли?

- С выходными, естественно, - уточнил я. – И то, если сама захочет.

Согласившись с отцом, я предложил все же узнать мнение старушки. Та почти без раздумий согласилась, сказала, что одна заработает больше денег. Вопрос вроде решился сам собой, отец явно с облегчением воспринял слова продавщицы, хлопнул ладонью по витрине киоска, пожелал Надежде Петровне хороших заработков и засобирался к машине. Но едва мы оказались в «газели», как я насел на него:

- Что решим с Надеждой Петровной? Одна пусть работает или поищем сменщицу?

- А разве мы не решили? – удивился отец. – Надежда Петровна сказала – буду одна работать. Что еще надо!?

- Это не мы решили, это она так решила! – начал заводиться я. – По-моему, киоск наш и нам выгоднее, чтоб он торговал каждый день, а не как второй – в субботу до обеда, а в воскресенье вообще закрыт!

- Ну, и что ты предлагаешь!?

- Я предлагаю подумать, может быть, все-таки напрячься и самим поискать второго продавца, чтоб киоск работал полноценно? Это ведь лучшая точка из двух. Ладно Полина, торгует как попало, там уже не исправить. Но этот киоск хорошо торгует. Четыре полных дня и четыре дня по половине, итого – шесть дней простоя. Зачем терять прибыль? Можно же напрячься и поискать продавца.

- Ищи, кто тебе мешает? – равнодушно уставился на меня отец.

- Ну, вот всегда так, - сказал я кисло, внутренне негодуя и кипя.

- Да что – всегда так!? – всплеснул руками отец и хлопнул по рулю.
- Да, ничего, - отмахнулся я и отвернулся к окну.
- Что-то не нравится – иди, делай! Вперед! Никто не держит! – завелся и отец.
- Ладно, ладно, я понял, - не поворачиваясь буркнул я примирительно.
- А, ты хотел, чтоб я начал искать продавца, да!? Побегал, посуетился, а ты будешь сидеть и только раздавать команды, куда и с какой скоростью бежать!?

«Бля, началось», - проползла в голове мысль с мерзким привкусом.

- Да ничего я не думал, - отрешенно произнес я.

Оба умолкли. В тишине возникло напряжение.

- Поехали? – произнес отец.

- Да, - сказал я, оторвавшись взглядом от окна и севши прямо.

- Куда сейчас? – задал отец свой затертый до дыр вопрос.

- По накладным, - бесстрастно сказал я, зная, какой эффект произведет моя фраза.

- Куда едем, я тебя спрашиваю!? – взвился тут же отец, процедив зло сквозь зубы. –

По накладным! Ишь, деловой!

- А че такого!? – с вызовом посмотрел я в ответ, с трудом сдерживая напирющую изнутри злость. – Там в накладных все написано! Грузили вместе! Куда грузили и в каком порядке, ты знаешь! Вот и поехали!

- Послушай, ты! – сцепил зубы отец. – Не умничай мне тут! Я тебя нормально спросил – куда едем? – будь добр отвечать! А не корчить из себя не пойми что!

- А я и не корчу, - неожиданно спокойно парировал я, едва не улыбнувшись. – Мы же вместе работаем? Вместе. Вот и участвуй в работе. Или ты как хотел, чтоб я всем звонил, собирал заказы, пробивал накладные, планировал рабочий день, а ты только рулил и спрашивал каждый раз – куда едем? Так что ли?

Несколько секунд отец сверлил меня жестким взглядом.

- На! Садись! Крути! – отец хлопнул ладонями по рулю, взорвавшись. – Я тебе уже сто раз говорил! Не нравится!? Садись, рули сам!

- И я тебе сто раз говорил, - спокойным голосом продолжил я. – Не нравится? Бери, звони и работай на компьютере сам. Можем поменяться. Я – за! Буду тупо крутить руль, каждый раз спрашивая, куда ж нам ехать, и таскать коробки, какие скажешь.

Отец все сверлил меня взглядом. Я знал, что ответа на такое заявление у него нет. Не в первый раз случалась подобная перебранка. Мы оба все чаще и чаще провоцировали друг друга на скандалы и негатив.

- Куда едем!? – зло с нажимом повторил отец.

- «Арбалет», - непринужденно произнес я, уставив на него ясный и чистый взор.

Побелевшая от сжатия рука отца воткнула с хрустом передачу, машина тронулась, я снова отвернулся к окну. Какой же унылый в наших краях ноябрь. Зима приближается и скалится кровожадно, а в природе все стынет от ее оскала и умирает. Настроение природы передается людям и рождает унылые мысли. В тот год все сошлось в одну депрессивную точку: пара неудач в бизнесе, расход родителей, напряжение между мной и отцом, боли в желудке. И промозглая погода, такая, что хочется послать все подальше и лечь в спячку. А тут нервы, сплошные нервы. Только алкоголь расслаблял меня и гнал тревожные мысли. Я выпивал все больше. Именно в ноябре впервые я ощутил легкую зависимость. Вечером в пятницу, обрабатывая накладные на компьютере, я вдруг почувствовал сильное желание выпить. Не потанцевать и повеселиться, а именно выпить. Я позвонил Вовке, тот слег с

температурой. Я пожелал ему скорейшего выздоровления и поехал в «Чистое небо» один. Сходу заказав двойную «отвертку» и вытянув ее минут за пять, я принялся за следующую. Ее пил уже медленнее, потягивая и сигарету. Стало хорошо. После третьей двойной я впал в алкогольную нирвану. «Полдвенадцатого, а мне уже нормально», - проползло в голове. Сходя в туалет, я снова прилип к барной стойке. Полночь. Четвертая двойная и сигарета. Я тянул лицо в пьяной улыбке, понимал, как глупо выгляжу, но мне было плевать и очень хорошо от алкоголя. Заняв в толчее клуба единственно спокойное место в арке грота, к часу ночи я выпил еще две двойных. Во мне плескалось более полулитра водки. Я опьянел и, покачиваясь, стал слоняться по клубу бессмысленными маршрутами. Эйфория перешла в состояние отупления и безразличия. Седьмая двойная меня добила. «Лишняя», - мутно осознал я, глядя в ополовиненный стакан. Без двадцати два. «Скоро закрытие, надо валить сейчас, а то через полчаса народ передушится у гардероба», - подумал я, встал, кривясь и давясь, сделал два глотка из стакана, отпихнул его в сторону и, придерживаясь стенки, пошел к выходу. Со мной кто-то попрощался перед самым гардеробом, я в ответ что-то буркнул. И у гардероба тоже кто-то попрощался? Сознание пребывало в вязком тумане. Я, скорее всего, тоже попрощался. «Я вежливый, всегда отвечаю, да, да», - шевелил мыслями пьяный мозг. Не сразу найдя рукава куртки, я все же надел ее и, держась за перила, пошел вверх по ступенькам, еле переставляя ватные ноги. Охранники изнутри у выхода. Они попрощались со мной? Я толкнул дверь, в лицо мне ударил холодный влажный воздух. Я сделал шаг через порог и вдохнул полной грудью. Воздух казался мне необычайно чистым и свежим. Я снова и снова вдыхал его и не мог насытиться. Рядом привычно орала пьяная толпа. Я отошел в сторону. Агрессивный ор меня душил, хотелось тишины. От кислорода голова закружилась сильнее. Наконец, я ощутил уличный холод. Он пробрался под куртку через распахнутый ворот и отрезвил меня. Я закурил, застегнул куртку, поежился и пошел вихляющей походкой к гостинице. Машина Эдика стояла на привычном месте. От жара печки в салоне по пути домой меня развезло. После отъезда Эдика я еще несколько минут стоял подле своего подъезда, нарочно расстегнув куртку и ощущая, как жадно проникший под нее ноябрьский холод возвращает меня в чувство. Дома, едва раздевшись, забравшись в кровать под одеяло и согревшись, я ощутил первый приступ рвоты. Меня начало мотать и крутить в кровати. Я сполз на пол и, шатаясь, добрался до туалета. Через какое-то время, едва не уснув подле унитаза, я вернулся в комнату. Меня кружило и бил озноб. Ужасное состояние. Родители спали в своих комнатах, в квартире стояли тишина и мрак, а я сидел на полу. При одной мысли о кровати меня снова затошнило. Унитаз. Снова пол в комнате. Озноб заколотил с новой силой. «Трезвею», - вяло обрадовался я. Придремав полусидя на полу подле кровати, я взобрался на нее уже в полусонном состоянии и, не успев ощутить головокружения, уснул.

Очередную поставку из Краснодара мы ждали к десятому декабря. Но дряхлый «МАЗ» сломался, на сутки позже к нам отправили другую фуру, и все пошло наперекосяк. Снег повалил ночью. Несколько минут перед сном в темноте комнаты я смотрел на падающие стеной хлопья снега со смешанным чувством восторга и досады.

«Придется чистить», - обреченно понял я и лег спать.

За ночь город завалило напрочь. Дорожная техника, расчищая улицы, с утра уже урчала во всю. Пять градусов ниже нуля и ни ветерка. Идеальный зимний день. Впереди

выходные, отдых. Если бы! За полчаса отрыв на стоянке «газель», мы выехали на склад и по пути купили две снеговые лопаты. Все дороги на нашем пути уже были расчищены, и даже на грунтовке от переезда до ворот завода успел побывать грейдер. Сам завод лежал под нетронутым плотным белым покровом. Мы даже не рискнули проехать на «газели» к складу. Взяли лопаты и, утопая в снегу по колено, стали торить дорожку вниз.

- Да уж! – произнес я, оказавшись у склада и обозревая объем предстоящих трудов.

Работа закипела. Описывать ее бессмысленно. Нудная, тяжелая работа, кажущаяся поначалу невыполнимой. Сначала расчистили место перед воротами. Отвалы снега у стен склада выросли угрожающе быстро. Я разогрелся и даже чуть запыхался. Отец закурил. В следующие полчаса расчистили еще примерно столько же. «Дыра какая-то, угораздило же нас сюда залезть», - злился в мыслях, понимая, что, по сути, напрасно. Никому кроме нас до расчистки территории завода дела не было. Забытое и брошенное место. «До поворота около тридцати и вверх до проходной сто пятьдесят», - содрогнулся я, глядя на дорогу, которую предстояло расчистить от полуметрового снега. Решили чистить только колею. Час и мы у поворота. Время перевалило за два часа дня. Я удивлялся нашему энтузиазму. Два человека на отшибе города на почти безлюдном заводе чистят дорогу от снега, делают работу, которую не должны выполнять ни по каким договорам. Но выполняют. Другие бы на нашем месте оборвали все телефоны арендодателей в напоминаниях о том, что завод их собственность и что по договору аренды они, собственники, обязаны организовать чистку снега на территории. И это верно. Но мы не звонили. Знали, бессмысленно. Хотите, чтобы дело делалось, делайте сами. Многие бы отложили поставку на время, пока вопрос уборки снега решится бы как-то и кем-то. Мы не отложили. Семейная черта – ответственность, обязательность, исполнительность. Надо, значит надо. Иногда в схожие моменты сам себе я казался дураком. Слишком исполнительным и работоспособным. Появлялось желание стать другим, более разболтанным и беспечным. Меньше думать и делать за других. Я не мог. Злился на свое воспитание, понимая, что чрезмерность плоха и в хороших качествах характера. «Мера, во всем должна быть мера», - думал я, освобождая очередной метр и уныло поглядывая на ровный слой снега в начале дороги. Через час с усталостью пришло и безразличие. Монотонно откидывая снег, я уже не помнил зачем, но знал, что надо.

- Все! Хорошо! – сказал я, когда мы закончили с дорогой между зданиями, оставив до проходной около двадцати метров снежного поля.

- И как он сюда доедет? – засомневался отец.

- Доедет! Грузеный, от проходной разгонится, под уклон до колеи пробьет сам.

- Ого! Как же я тут проеду!? – устался в обед следующего дня водитель фуры на нетронутый покров снега.

Я ему объяснил.

- А по-другому никак! – бодро согласился тот и полез в кабину, захлопнул дверь и запустил двигатель. Из-под фуры вырвался сноп черного дыма. Тягач взревел и потянул за собой полуприцеп. Фура прошла ворота и принялась подминать снег колесами. Скорость стала падать. Семь метров. Тягач взревел, удержал скорость и продолжил движение. Снег перед колесами стал толще. Машина снова взревела и, снова потеряв в скорости, натужно продолжила движение. Три метра, два, один. Тягач вырвался в колею, сбросив обороты и перестав реветь, пошел под уклон легче, таща за собой из снега полуприцеп. У поворота

фура сбавила скорость, повернув проволочка колеса полуприцепа по снежной целине и остановилась только на площадке перед складом.

Выгрузив шесть тонн за пару часов, уставшие, но довольные, мы поехали домой. Я поужинал, пролежал час в горячей ванне, придремал там, усилием воли выбрался из воды и полусонный плюхнулся в кровать и сразу уснул. Разбудил меня звонок. Вовка криком в ухо напомнил, что на календаре суббота и нам вечером непременно надо быть в «Небе». Я продрал глаза, на часах мигало восемь. Через два часа мы с Вовкой уже заходили в клуб.

Весенне-осенняя кампания с открытием и закрытием двух розничных отделов уже успела позабыться. Рабочей суеты стало в разы меньше. Я так отвык от размеренной и неторопливой работы, что воспринимал ее как праздник. Бизнес перешел в монотонную стадию. Развитием не пахло, стагнацией тоже. Мы застыли в приятной точке равновесия, работа делалась, деньги зарабатывались и копились. В обороте образовалось приличное количество лишних денег, мы их вывели из дела и положили отцу на книжку. Раз в месяц приходила машина из «Люксихима», раз в месяц мы катались за порошками. Приближался Новый год. Вместе с предпраздничным настроением возникло желание чуда. Желая роста бизнеса, я прикидывал даже самые немислимые варианты развития, но интуиция молчала.

«К весне надо обязательно что-то найти и лето хорошо сработать! Дихлофосы были бы кстати, но где их взять!?» - крутил я задачку в голове во время поездок по городу сидя в уютной натопленной кабине. Для ее решения надо было либо найти новое производство аэрозолей, незнакомое оптовым компаниям города, либо... впрочем, второй вариант мы явно не тянули – «Арбалет» и «Саша» плотно «сидели» на известных заводах аэрозолей. Этим фирмам мы были не соперники.

Менеджер «Арбалета» Илья, после событий с его розничной точкой, как я ощутил, стал меня избегать. Я все так же регулярно ходил к нему наверх и звонил по телефону, но наше общение стало суше, диалоги короче, взгляд Ильи начал избегать встреч с моим.

Декабрь вышел угрожающе снежным. Снег шел регулярно, через день-два. Не так чтоб сильно, но его отвалы у стен склада доросли до крыши. В середине месяца явилась обратно покинувшая нас продавщица. В тот день к киоскам за выручкой пришел я, застав ее с виноватым видом перетаптывающуюся подле Надежды Петровны. Получив деньги, я пошел домой. Заснеженный город лежал в темноте зимнего вечера, расцвеченный огнями фонарей, реклам, витрин магазинов и окон жилых домов. Погода стояла шикарная. «Если б я был офисным работником, то сейчас бы радовался такой погоде и постоянно идущему мягкому снегу, а так не очень-то и радуюсь, весь этот снег приходится без конца чистить», - думал я, щурясь парящим перед лицом белым хлопьям. Я отчетливо понял, что тяжелая и монотонная работа убивает в человеке все приятие красоты. Вот так идешь машинально и не замечаешь окружающего великолепия. Так же буднично наступил и Новый год. Он случился в семье из трех полужужих друг другу людей. Мы с отцом все также не ладили с матерью, она не пыталась сблизиться, а лишь отдалялась, все больше времени проводя в своей комнате. Ее затворничеству способствовал телевизор, который мать смотрела почти круглосуточно и не вылезая из кровати. Телевизор был куплен осенью по желанию отца, который ворчал, что та днями напролет сидит в его комнате и смотрит «его» телевизор. Мои отношения с отцом столь сильно натянулись, что мы даже ничего не подарили друг другу. Сухо обменялись поздравлениями, выпили по бокалу шампанского, поковырялись в салатах, приготовленных матерью по старой памяти, и разошлись по своим комнатам.

Во второй половине января ударили «Крещенские морозы». Температура резко упала ниже «минус» двадцати пяти, и я отчетливо понял, что зиму уже просто ненавижу. Морозы стояли дней десять, и мы вновь намучились с «газелью». Она категорически не хотела заводиться. Каждый раз после работы, мы снимали аккумулятор и несли домой. Только так был шанс, что утром машина заведется. Двигатель промерзал за ночь насквозь. Только теплый, принесенный из квартиры аккумулятор, с трудом, но проворачивал вал в стылом масле картера. Мы стали выезжать реже. Бедные, бедные наши продавщицы! Я не представлял, как они работали на морозе! Мы им сразу сказали, что можем закрыться и не торговать вовсе. Но нужда толкала продавщиц на работу.

Аккурат к морозам растаяли наши товарные запасы. Мы сделали очередной заказ на начало февраля. Но уже во вторник 25 января раздался телефонный звонок.

- А зачем вы так рано ее отправили!? – удивился отец, выслушал ответ и добавил раздраженно. – Да я понимаю, что вам надо! Но нам-то не надо!

- Машина вышла? – переспросил я, едва разговор был закончен. Оба завтракали на кухне, я пил чай, а отец кофе. Он закинул ногу на ногу и, пытаясь унять раздражение, стал его дрыгать. Перспектива выгрузки товара в мороз меня тоже не обрадовала.

Водитель не позвонил ни через день, ни через два.

- Сломался где-нибудь, - произнес я утром 28 января, поглядывая на термометр за окном. Погода менялась. Температура росла. Термометр показывал «минус» двадцать. «К обеду будут все пятнадцать», - подумал я радостно и глянул на кристально чистое небо, тянувшее на себя одеяло из густых снежных облаков.

Уехав на работу, мы на день забыли про потерявшуюся машину. О ней напомнили вечерние новости. В Ростовской области начался сильнейший снегопад, парализовавший движение на трассе «М4».

- А ведь и их машина тоже где-то в том месте сейчас должна быть!? – предположил я, глянув на отца, внимательно смотревшего новостной репортаж по телевизору. – Может, водитель поэтому и не звонит, что застрял там?

- Может быть, - пожал плечами отец.

Весь следующий день наперебой шли новости об ухудшении ситуации на трассе. «Сплошной затор... многокилометровая пробка... скопилось более ста тридцати фур и их количество продолжает расти... сильнейший снегопад».

И следующий. «Пробка достигла тринадцати километров... фуры стоят на обочинах у придорожных кафе... несколько перевернулось... движение полностью парализовано... МЧС стягивает дорожную технику и разворачивает пункты быстрого питания».

На третий день, 31 января, позвонил Эдик: «Машина перевернулась... да, в ней наш товар, а потом машина должна была ехать в другой город за сырьем... придется, наверное, высылать другую машину, чтоб перевернувшуюся отбуксировать обратно в Краснодар».

1 февраля, новости пестрели тем же. «Сложные метеоусловия, сильные снегопады, дожди при минусовой температуре... движение возобновилось... большое скопление фур... за все время в пункты быстрого питания МЧС обратились более семи тысяч человек... перевернутые фуры поднимают... пострадавших нет».

2 февраля накал в эфире пошел на спад. «Кризис миновал... снег идет постоянно... техника работает круглосуточно... пропускная способность трассы восстановлена».

Через день позвонил сам Асланбек.

- На, тебя, - принес я телефон на кухню завтракавшему отцу.

- Доброе утро Асланбек Ахмедович! – отчеканил отец, торопливо прожевав кусок.

Разговор случился короткий. В «Люксихиме» решили не тащить перевернувшуюся фуру обратно в Краснодар, а везти к нам. Но, требовалось наше согласие. Формально мы могли отказать. Груз наверняка уже потерял товарный вид. И его по договору мы имели право не принимать. Но по-человечески отказывать не хотелось. Я стоял рядом с отцом, слушал диалог и для себя решил, что фуру придется принять и товар перебрать. Именно об этом уговаривал Асланбек отца в телефонном разговоре.

- Ну что, пусть к нам везут товар? – произнес отец, зажав рукой мобильник.

- Пусть везут, - вздохнул я. – Что уж теперь. Посмотрим, что там внутри.

Машина пришла в воскресенье 6 февраля. К этому дню сильно потеплело, «минус» десять после морозов в двадцать пять градусов ощущались почти оттепелью. Приехав к складу, мы увидели тягач «Вольво» с полуприцепом-контейнером. Из кабины в дубленке и кепке вывалился Эдик и приветственно замахал рукой. Показался и водитель.

- Это вы уже перецепили прицеп, да? – после бурных приветствий и рукопожатий, окинув фуру быстрым взглядом, произнес я.

- Да, тот перевернувшийся «МАЗ» на буксире домой отправили, а прицеп вот к вам привезли! – снова замахал руками Эдик, источая пивной запах.

Я стал снимать замок с ворот склада, а отец расспрашивать Эдика о случившемся. Петли заскрипели, я распахнул ворота. Склонность отца вести пустопорожние разговоры утомляла все сильнее, потому, не вслушиваясь, в такие моменты я отгораживался от них работой. Мать иногда роняла фразу: «Вот работаешь с отцом и сам становишься таким же занудой!» Я начинал ее понимать. По рассказу Эдика, водитель повел машину на обочину, не рассчитал, колеса полуприцепа сползли по насыпи вниз, фура и перевернулась. Будучи подшофе, Эдик болтал без умолку.

- Мы сейчас, Анатолий Васильевич, посмотрим, постараемся, конечно, побольше товара оставить, чтоб и вам было чем торговать, и нам меньше обратно везти! – суетился он, поглядывая то на отца, то на меня бегающими глазками.

Я уже жалел, что мы ввязались во все это. Я ругал себя мысленно за уступчивость и чрезмерную доброту, понимая, что снова ничего кроме суеты и проблем мы не получим.

- Эдик, посмотрим сначала, что вы нам привезли, а там уж видно будет, - закурив, парировал отец. – Мы можем взять себе только целый, неповрежденный товар.

- Давайте, открывайте уже! – добавил я, махнув на контейнер.

Водитель снял замок, распахнул двери.

- Ого! – вырвалось у меня.

- Да уж... - протянул отец, отнимая ото рта сигарету.

- Винегрет, - добавил я.

- Да тут только сверху попадало и все! Рома, что ты говоришь такое!? – замахал руками Эдик. – Вот, внизу все стоит ровно даже не сдвинулось никуда! Все же целое!

- Эдик! – оборвал того отец. – Мы сейчас сами все посмотрим и разберемся! Что упало, а что целое! Тут все перебирать надо, посмотри, какая каша!

- Ну, хорошо, Анатолий Васильевич, - сдулся тот, сунул руки в карманы дубленки и поежился от холода. – Как скажете, так и сделаем.

Я смотрел вглубь контейнера. Коробки, изначально стоявшие штабелями высотой в пару метров, теперь лежали горой сплошной мешанины.

- Кто из контейнера подавать будет? – улыбнувшись, посмотрел я на Эдика. Тот, кряхтя и упираясь коленями в стылую раму полуприцепа, полез внутрь. Водитель следом.

Долго и нудно дольше четырех часов мы перебирали эту кашу товара. Четверть его совершенно утерjala потребный вид – разорванные упаковки, мятые полупустые флаконы, рассыпанные по полу чистящие средства. Из контейнера едко несло ацетоном и щелочью.

- Рома, это хорошая упаковка! – раздался вопль, едва я отставил одну в сторону.

- Эдик, да где она хорошая? – удивился я, приподнял упаковку, в которой какие-то флаконы потекли и залили целые. Тот заголосил вновь, что надо перебрать и найти целые. Перебирать я отказался. Эдик засуетился, слез на землю, подошел к куче мятых упаковок и принялся ковыряться в той, с какой начался спор. Возмутился даже отец. Не помогло – коммерческий директор продолжал ковырять флаконы и составлять их в кучку на снегу.

- Эдик! – рявкнул уже отец прямо над моим ухом. – Да прекрати ты, в самом деле!

Мне стало противно от мелочности совладельца «Люксхима».

- Зачем ты начинаешь мне тут впаривать откровенную некондицию!? Ты меня что, за дурака что ли держишь!? – обозлился отец, его желваки заиграли, лицо обострилось.

- Анатолий Васильевич, где, где некондиция!? – состроил невинную изумленность тот. – Я же стою тут нормальный товар отбираю вам же!

«То ли правда дурак, то ли настолько циничен», - остолбенело пытался понять я.

Эдик пошел в склад, нашел пустую коробку и принялся ставить в ту наковырянные флаконы. Отец, скрежетнув зубами и почти насильно вырвал у того коробку из рук.

- Отойти отсюда! Не занимайся ерундой! – выкрикнул отец.

Ситуация накалилась. И тут сработала натура Эдика, он поплыл в своей хитрющей улыбке, и сразу наступила разрядка. Я улыбнулся, отец хмыкнул и полез за сигаретой.

- Дай мне тоже одну, - сказал я.

- И я тогда с вами покурю, - донесся из контейнера голос водителя.

- Анатолий Васильевич, ну, и меня тогда угостите сигареткой! – защерился Эдик.

Все закурили.

Отец долго и пристально смотрел на Эдика и, словно подводя итог своим мыслям, не выдержал, хмыкнул: «Ну, Эдик! Ну, Эдик! Ох, какой ты!»

Я глянул на водителя, тот хмыкнул, улыбнулся и отвернулся. Эдику стало неуютно, он задвигал плечами, словно там что-то мешалось между лопаток.

- Анатолий Васильевич, я же для вас как лучше стараюсь!

- Ой, Эдик, замолчи, а! – прервал я, отмахнувшись.

Водитель вновь хмыкнул.

Тяжелый был день. Мы промерзли до костей. Я сжег щелочью кончики пальцев. Не сразу понял, почему вдруг их начало щипать так резко и остро, словно множество иголок впились в подушечки и стали проникать глубже. Я тут же сунул руки в снег.

- Щиплет то как! – вскрикнул я, стирая с рук снегом желтую пенящуюся жидкость.

Домой приехали затемно, голодные, продрогшие и уставшие. Обратном в Краснодар поехало не более трети товара. Помню, я подумал тогда, что наш поступок будет отмечен и укрепит отношения с «Люксхимом». Глупая мысль, знаю.

Весь февраль мы продавали товар из пострадавшей партии. Пришлось повозиться. Все решилось благодаря хорошим личным отношениям с сотрудниками оптовых баз. Я понимал, что мы лезем в глаза с неудобными просьбами. Мы сами создали себе проблему своей добротой, сами и расхлебывали. Удивительно, но все продалось.